
Феноменологические подходы в теории архитектуры в контексте современных когнитивных наук*

© 2021 г. Г.Н. Фигурный

Московский архитектурный институт (государственная академия),
Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 11.

E-mail: gfigurny@gmail.com

Поступила 27.07.2020

Статья представляет собой фрагмент научного исследования, посвященного анализу современных подходов к осмыслению архитектуры. Рассматривается проблематика феноменологического подхода к архитектуре. В приложении к архитектурной проблематике феноменологический подход можно считать весьма продуктивным и многообещающим, но только, как представляется, в том виде, в каком его практикуют К. Норберг-Шульц и Ю. Палласма. В статье отмечено принципиальное единство взглядов, которое демонстрируют представители феноменологического подхода, несмотря на индивидуальную специфику позиции каждого из них. Вероятно, целостность и глубина феноменологической концепции (в ее «первозданном виде») созвучны и всеохватности каждого индивидуального акта восприятия. Автор статьи обращает внимание на то значимое обстоятельство, в каком принципиально неустрашимом противоречии (концептуальном и методологическом) находится феноменологический подход по отношению к многочисленным попыткам «архитектурных семиотиков и структуралистов» объяснить целое, разъяв его на «смысловые фрагменты». Проанализирована убедительная корреляция между позицией представителей феноменологического подхода к архитектуре и научными взглядами в сфере современной психологии и аналитической философии. Отмечено принципиальное сходство феноменологической концепции с теорией «неявного знания» («tacit knowledge») М. Полани, в которой рассматриваются те виды знания (а также практические умения и навыки), которые не могут быть формализованы (частично или полностью) с целью передать их другим. Предлагается к рассмотрению введение такого понятия как «феноменология полуинстинктивного поведения в его динамическом формировании».

Ключевые слова: теория архитектуры, методология, философия, феноменология, формальная логика, метафизика, когнитивные науки, психология, творчество, наука.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-65-73

Цитирование: *Фигурный Г.Н.* Феноменологические подходы в теории архитектуры в контексте современных когнитивных наук // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 65–73.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Аспиранты», грант № 19-312-90012.

Phenomenological Approaches in the Theory of Architecture in the Context of Modern Cognitive Science*

© 2021 George N. Figurny

*Moscow Architectural Institute (State Academy),
11, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation.*

E-mail: gfigurny@gmail.com

Received 27.07.2020

The article is a fragment of the scientific research devoted to the analysis of modern approaches to the understanding of architecture. It considers the problems of phenomenological approach to architecture. Applied to architectural issues, the phenomenological approach can be considered as very productive and promising, but only as it appears to be practiced by K. Norberg-Schulz and J. Pallasmaa. The article notes the fundamental unity of views, which is demonstrated by representatives of the phenomenological approach, despite the individual specificity of the each representative's position. Probably, the integrity and depth of the phenomenological concept (in its "primordial form") is consonant with the comprehensiveness of each individual act of perception. The author also draws attention to the significant circumstance, that the phenomenological approach is in fundamentally irreconcilable contradiction (conceptual and methodological) to the numerous attempts by "architectural semiotics and structuralists" to explain the whole by breaking it up into "semantic fragments". He analyzes the correlation between the position of representatives of the phenomenological approach to architecture and scientific views in the sphere of modern psychology and analytical philosophy. The article notes the basic similarity of the phenomenological concept with M. Polanyi's theory of "tacit knowledge", in which those kinds of knowledge (and also practical skills) are considered and which cannot be formalized (partially or completely) for the purpose of transferring to others. The author also offers for consideration the introduction of concept of "phenomenology of semi-instinctive behavior in its dynamic formation".

Keywords: architecture theory, methodology, philosophy, phenomenology, formal logic, metaphysics, cognitive science, psychology, creativity, science.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-6-65-73

Citation: Figurny, George N. (2021) "Phenomenological Approaches in the Theory of Architecture in the Context of Modern Cognitive Science", *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2021), pp. 65–73.

Феноменологические концепции в теории архитектуры

Как представляется, главная ценность (как и теоретическая значимость) феноменологического направления в философии заключалась в осознании (и обосновании) тезиса о том, что в основе познавательного опыта лежит непосредственное созерцание (восприятие), которое по своей сути является беспредпосылочным. Основателем феноменологии считается Э. Гуссерль, а его предшественниками – К. Штумпф и Ф. Brentano. Однако удивительно сходные мысли (теоретические позиции) были

* The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-312-90012.

сформулированы и Людвигом Витгенштейном в его «Логико-философском трактате». Часто цитируется финальный афоризм из этого труда: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Wittgenstein 1922, 189]. Трудно предложить лучшее определение для центральной концепции феноменологического подхода. Но, парадоксальным образом, именно лучший ученик Э. Гуссерля – М. Хайдеггер – «не смог молчать» и, развивая его идеи, выстроил собственную теорию в своем известном трактате «Бытие и время», столь же впечатляющем и неординарном с позиций своих неоспоримых литературных достоинств, сколь и маловразумительном содержательно (что было отмечено, в частности А.В. Парибок [Парибок web]), – и вдохновил тем самым своих многочисленных последователей на построение собственных философских концепций, включая и представителей «континентальной философии», в том числе и идеологов деконструктивизма (на что обратил внимание авторитетный отечественный философ и историк философии В.К. Шохин [Шохин web]).

В приложении к архитектурной проблематике феноменологический подход можно считать весьма продуктивным и многообещающим, но только, как представляется, в том виде, в каком его практикуют К. Норберг-Шульц и Ю. Палласмаа. Главным достоинством этого подхода можно полагать само отсутствие попыток имитировать так называемый научный формат.

Вместе с тем следует отметить, что принципиально сходные представления о специфике вне-рассудочного, чувственного восприятия (или со-переживания) произведений искусства (включая архитектурные) были выражены и у К. Фолля, Т. Липпса, В. Воррингера и Г. Вельфлина. При этом ими подчеркивалась уникальная особенность эмоционального восприятия, для которого характерно мгновенное (или, скорее, вне-временное) схватывание пространственных образов во всей их полноте. Заметим, что взгляды этих авторов (как будет показано в тексте несколько далее) удивительно близки к представлениям современных аналитических философов.

Большинство представителей феноменологического подхода обращались к теме восприятия произведений архитектуры как уже созданных и наличествующих в текущей реальности объектов (материальных либо же виртуальных). К вопросам собственно творческого архитектурного процесса наиболее глубокий интерес проявляет Юхани Палласмаа, что представляется вполне логичным, поскольку он – не только известный теоретик, но и успешно практикующий архитектор.

Стоит также отметить и то принципиальное единство взглядов, которое демонстрируют представители (основатели) феноменологического подхода, несмотря на индивидуальную специфику позиции каждого автора. Вероятно, целостность и глубина феноменологической концепции (в ее «первозданном виде») созвучна и всеохватности каждого индивидуального акта восприятия. Как вполне справедливо в этой связи констатирует в своем диссертационном исследовании авторитетный отечественный искусствовед А.Г. Раппапорт, «феноменология архитектуры имеет дело не с отвлеченной мыслью и не с фиксированным знаком, а с переживанием, неотделимым от живого контакта с сооружением. Это не познавательное разглядывание архитектуры, не историческая экскурсия, а экзистенциальное пребывание в мире архитектурных форм. Излишняя ученость этому только мешает» [Раппапорт 2000, 47].

При этом трудно не обратить внимание на то значимое обстоятельство, в каком принципиально неустраимом противоречии (концептуальном и методологическом) находится феноменологический подход по отношению к многочисленным (и безуспешным) попыткам «архитектурных семиотиков и структуралистов» объяснить целое, разъяв его на «смысловые фрагменты».

Как представляется, основная ценность феноменологии архитектуры в том виде, в котором она была сформулирована К. Норберг-Шульцем [Norberg-Schulz 1980] и его предшественниками (в проблематике восприятия произведений архитектуры) и далее развита Ю. Палласмаа [Pallasmaa 2009] (в приложении к творческому архитектурному процессу), заключается в осознанном отказе от имитации «научного формата» и много-словного теоретизирования.

В частности, Ю. Палласмаа обращает внимание на вне-рассудочный (в известной мере) характер творческого процесса поиска архитектурного образа и в своей книге «Мыслящая рука» вполне объективно, на наш взгляд, констатирует: «Экзистенциальная и воплощенная в архитектуре мудрость – относится к другому типу знания, молчаливому пониманию, имманентно присущему человеку» [Pallasmaa 2009, 13].

Но по мере того, как феноменологический подход к архитектуре стал получать широкое признание, вполне предсказуемо росло и число желающих «улучшить и дополнить» его, внося «собственный теоретический вклад» в эту сферу, от Д. Летербарроу [Leatherbarrow 1993] до Б. Сировы [Sirowy 2010].

С одной стороны, очевидна вся парадоксальность подобного «развития событий», когда подход (формат), со всей определенностью постулирующий принципиальную ненужность (или как минимум явную избыточность) паранаучного теоретизирования, тут же обретает своих «адептов-теоретиков».

С другой стороны, здесь может быть уместна своего рода аналогия с живой природой: как только формируется эволюционно успешный вид (фауны или флоры), он столь же незамедлительно обретает и своих паразитов и/или симбионтов.

Возвращаясь к затронутой выше проблематике личностного восприятия архитектуры с позиций феноменологии, стоит отметить, что всякая попытка «анализа» в этой сфере по своей сути представляет собой своего рода эссе, то есть развернуто передает цепь размышлений и переживаний автора. При этом эмоциональная (и не только) картина мира у перципиента (субъекта восприятия) имеет тенденцию со временем существенно меняться. Впрочем, что касается проблематики заведомой невозможности «научно обосновать» эстетические достоинства объекта восприятия, то Д. Юм (еще столетия назад) вполне справедливо констатировал, что «прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту. Поиски подлинно прекрасного или подлинно безобразного <...> бесплодны» [Юм 1996, 625].

Как показательный пример существенной трансформации во времени личностного (вне-интерсубъективного) отношения к объектам архитектуры уместно привести наблюдение А.Г. Раппапорта:

«Недавно <...> увидел здание, построенное году где-то в начале шестидесятых на Мойке... <...> В те годы видел в этом маленьком геометрическом объеме замечательный смысл современности. Сейчас я смотрю на него и думаю: как он тут ни к чему около “Новой Голландии”... Почему? Смыслы сохраняют какой-то свой контур, но при этом меняют окраску. Это проблема внутренней трансформации смыслов в сознании» [Раппапорт web].

Для описания (и объяснения) подобных феноменов глубоко личностного восприятия Тимоти Лири была предложена теория, известная как «туннель реальности» [Лири и др. 2002], позднее расширенная и дополненная Робертом Уилсоном [Уилсон 1998]. В соответствии с этой теорией специфика каждого индивидуального восприятия определяется подсознательными «ментальными фильтрами», характерными для всякого человека и сформированными под влиянием приобретенных им убеждений и личного жизненного опыта.

Трудно не увидеть, насколько этот подход к пониманию особенностей личностного характера процесса восприятия объектов (как и их эстетических достоинств) перекликается с процитированной выше констатацией Д. Юма. Впрочем, сходная позиция была выражена А. Палладио еще на два столетия ранее. А.В. Радзюкевич в работе, посвященной его проектному творчеству, констатирует, что «главным мерилom красоты для Палладио выступает “глаз понимающего”» [Радзюкевич web].

Современная философия и психология в приложении к вопросам архитектурной феноменологии

Психология творческого процесса и его философские основания – вечные темы теории и истории архитектуры. К настоящему времени сложился впечатляюще объемный корпус многочисленных текстов по данной тематике. Тем не менее часто приходится констатировать, что при всей убедительности и кажущейся внутренней непротиворечивости почти всякого подобного текста он, каким-то парадоксальным образом, достаточно легко опровергается или как минимум входит в неустрашимый конфликт с текстом-оппонентом. Подобные констатации позволяют усомниться в принципиальной возможности строгого научного подхода к данной проблематике, тем более что и сами философия и психология вплоть до недавнего времени имели довольно сомнительный статус в качестве строгих академических дисциплин.

Однако в последние десятилетия наметился существенный прогресс как в психологии, так и в философии. Так, психология обрела свои сегодняшние, подлинно научные контуры, в частности, в сфере этологии. Философия же, в свою очередь, нашла точки опоры (или, точнее, пока точки соприкосновения) в области так называемых когнитивных наук и нейропсихологии. Значительным событием в современной этологии, изучающей сложные поведенческие паттерны (как животных, так и людей), стало введение в ее понятийный аппарат такой категории как «расширенный фенотип».

Здесь может быть уместным краткое пояснение: расширенный фенотип (*extended phenotype*) – термин, предложенный Ричардом Докинзом в 1982 г. для описания специфических особенностей врожденного (инстинктивного) поведения животных, сооружающих весьма сложные конструкции [Докинз 2011]. Понятие расширенного фенотипа главным образом относится к части генетической информации, получающей свое внешнее воплощение за пределами организма-носителя, например, норы и птичьи гнезда, муравейники и термитники, паучьи сети и пчелиные соты...

В области же философии в 1998 г. Энди Кларком и Дэвидом Чалмерсом была (не без влияния идеи «расширенного фенотипа» Р. Докинза) предложена теория «расширенного познания» (*extended cognition*), рассматривающая вопросы взаимоотношений ментальных процессов и двигательной активности человека с внешним инструментарием [Clark, Chalmers 1998]. Согласно этой теории часть функций мозга и тела передается во внешнюю среду.

Следует отметить, что эта теория вызвала значительный резонанс в научном сообществе. Развивая идеи Э. Кларка и Д. Чалмерса, Роберт Логан в 2007 г. выдвинул тезис о том, что и само мышление (как способность к концептуализации) возникает в результате «расширения возможностей мозга» в процессе вербальной активности, и, для наглядности представления данного тезиса, предложил символическую формулу: ум = мозг + язык [Logan 2007].

Представляется уместным рассмотреть вопрос о вероятной продуктивности применения подобных подходов к процессу создания архитектурного проекта. При этом целесообразно ограничить этот процесс стадией эскиза – как наиболее значимого и, вместе с тем, наименее методологически понятного этапа проектирования. С этой целью имеет прямую смысл сформулировать два несложных вопроса и попытаться на них ответить.

1. *Имеет ли место феномен вербализации ментального процесса при создании эскизного проекта?* Вероятно, полностью исключить возможность словесного выражения (оформления) спонтанно возникающих мыслей нельзя. Однако прямого отношения к объекту (создаваемому эскизу) эти мысли не имеют. Архитектор не говорит себе: «Сейчас я проведу вот эту линию с такой-то целью, а затем ее подкорректирую». Из этого можно сделать вывод, что формула Р. Логана: «ум = мозг + язык» к процессу проектирования в такой форме неприменима и что в данном случае мы имеем дело со способностью к концептуализации иного рода. Однако тот факт, что создание

эскизного проекта – это прямой акт концептуализации, сомнений не вызывает. Но если «процесс вербализации» заменить на «идеомоторную активность», то формула примет следующий вид: «ум = мозг + идеомоторика» и будет (согласно идее Р. Логана) в данном случае верной.

2. В какой степени процесс поиска и фиксации архитектурного образа обусловлен внешним инструментарием (будь это карандаш и бумага или компьютерный интерфейс)? Можно сказать, что в определяющей, если не в абсолютной, поскольку внешний инструментарий (каким бы он ни был) – единственное средство воплощения (фиксации, конкретизации и коррекции) зарождающихся или, скорее, всыхивающих в нейронной структуре мозга архитектора, тех призрачных и трудноуловимых образов, которым только предстоит стать читаемыми и зримыми и, следовательно, ясно осознанными самим автором.

Впрочем, подобного рода соображения были высказаны в 2009 г. и Юхани Палласмаа: «В процессе самозабвенной работы... образ проявляется как будто это проекция воображающего его разума. Или, возможно, это рука, которая в действительности воображает» [Pallasmaa 2009, 8]. Как представляется, в этом интроспективном наблюдении Ю. Палласмаа весьма точно зафиксирована (уловлена) специфика эфемерного и ускользающего от ясного рассудочного понимания феномена архитектурного эскизирования. При этом естественным образом возникает вопрос: был ли Ю. Палласмаа знаком с теорией «расширенного сознания» Э. Кларка и Д. Чалмерса, предложенной ими в 1998 г., или же пришел к своим заключениям независимо от них?

Однако основной вывод сомнению не подлежит: так же как мозгу (или сознанию) необходима рука как своего рода собственное продолжение, так же и самой руке архитектора необходим карандаш (или иной инструмент) для запечатления и корректировки изначально весьма смутных (предощущаемых) идей и образов в рекурсивном процессе эскизирования и моделирования. Другими словами, архитектурное творчество принципиально непредставимо вне идеомоторной активности архитектора, с одной стороны, и без необходимого (и достаточного) внешнего инструментария, с другой.

Таким образом, и Юхани Палласмаа (в приложении к вопросам архитектурного творчества), и Дэвид Чалмерс (в отношении иных видов человеческой деятельности) фактически отрицают распространенное мнение о своего рода «дуализме» как попытке отделения высшей нервной активности мозга (осуществляемой в зоне неокортекса и даже гиппокампа) от идеомоторной активности.

Вышеизложенные соображения позволяют сделать тот промежуточный вывод, что феноменологические и подлинно научные подходы к вопросам истории и теории архитектуры представляются определенно продуктивными, поскольку, при всей своей методологической несхожести, они никак не противоречат друг другу. Более того, они существенно дополняют и оттеняют друг друга. При этом стоит отметить, что основной чертой (и теоретической значимостью) данных подходов можно считать их независимость от столь популярных в сфере преимущественно гуманитарных дисциплин имитаций «научного» или «философского» форматов.

Итак, К. Норберг-Шульц и Ю. Палласмаа как наиболее авторитетные представители «архитектурной феноменологии», полагают как минимум определенно нецелесообразным (и возможно) избыточным использование в текстах по архитектурной проблематике неких как бы «научных» и как бы «философских» категорий, совершенно неуместных в теоретических проблемах современного искусствоведения.

Возвращаясь к вопросам архитектурной практики, стоит отметить, что отдельные исследователи усматривают (неким странным образом) связь феноменологии как таковой и так называемой «идеологии проектного процесса» у ряда известных архитекторов. Так, М.Р. Невлютов пишет: «Истоки влияния феноменологии непосредственно на процесс архитектурного проектирования можно найти уже в позднем модернизме в работах таких мастеров как Луис Кан (Louis Isadore Kahn), Алваар Аалто (Alvar Henrik Aalto), Луис Барраган (Luis Barragan), Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright), Альдо Ван Эйк (Aldo van Eyck), Сверре Олаф Фен (Sverre Fehn)», и что при этом:

«Стивен Холл – единственный архитектор, который описывает свой подход к проектированию как феноменологический» [Невлютов web].

Однако вряд ли можно считать уместным некритичное отношение к подобного рода утверждениям, столь же решительным, сколь и сомнительным. С одной стороны, архитектор (Стивен Холл) может вполне искренне полагать свое творчество как реализуемое в сфере феноменологии. Но, с другой стороны, при этом очевидна и вся субъективность этой столь бездоказательно декларируемой позиции. Примечательно, что и сам С. Холл (как и ценители его творчества) предусмотрительно отстраняются от попыток убедительно объяснить, в чем же именно состоит «феноменологичность» архитектурных объектов его авторства (что, впрочем, не представляется принципиально возможным), поскольку подобные попытки классификации архитектурных объектов по некоему гипотетическому критерию «уровня их феноменологичности» не только методологически несостоятельны, но и по сути концептуально бессодержательны.

В теории архитектуры такие базовые понятия и принципы как гармония, контекстуальный подход (то есть тактичное отношение к градостроительному и/или природному окружению), всесторонний учет всех физических свойств и характеристик используемых материалов и т.д. – известны как минимум со времен Витрувия. И нет никаких оснований пересказывать принципиально то же самое, но уже «от себя».

Складывается парадоксальная ситуация, когда в рамках феноменологии как подхода, главная ценность которого состоит в признании и утверждении беспредпосылочного характера чувственного восприятия архитектуры (как и творческого процесса), возникают тенденции к идеологизации и построению маловразумительных «философских концептов».

Стоит привести еще несколько цитат из текста упомянутой выше научной статьи: «Феноменологический подход стремится сделать компоненты окружающего мира значимыми, антропогенными, создать знаковую среду, определяющую характер места. Важны личные переживания, опыт, воспоминания, интуиция. <...> Но феноменологический опыт, по мнению Мерло-Понти, принципиально аперсонален» [Невлютов web].

Заметим, в пределах одного короткого абзаца, приводятся кардинально противоположные суждения по поводу характера восприятия архитектурных объектов: сначала это восприятие носит «личный характер», а затем вдруг оказывается «аперсональным». При этом данное неустранимое логическое противоречие автором никак не комментируется.

Далее в своем тексте М.Р. Невлютов цитирует и А. Перез-Гомеза (как «феноменологического авторитета»): «Дело не столько в том, что мы обладаем телами, мы и есть тела, находящиеся с нашим миром в непрерывном диалоге. Наше априорное, никак еще не артикулированное “основание”, почва бытия целиком зависит от архитектуры, как видимого порядка, дающего нам возможность ощущать границы нашего присутствия» [Невлютов web]. Как представляется, процитированная сентенция столь же претенциозна по форме, сколь и сомнительна содержательно.

Что же касается реальной феноменологии творческого архитектурного процесса (вне упомянутых выше «паразитических наслоений»), то обращает на себя внимание, что рассмотренные выше идеи «расширенного познания» философов Э. Кларка и Д. Чалмерса и близкие им теоретические соображения архитектора Ю. Палласмаа также удивительно созвучны и представлениям Майкла Полани, предложившего (еще в 1958 г.) теорию «неявного знания» («tacit knowing» или «tacit knowledge») [Полани 1985].

Этим термином – «неявное знание» – определяются те виды знания (а также практические умения и навыки), которые не могут быть формализованы (частично или полностью), то есть их невозможно кодифицировать (устно или письменно) с целью передать другим. В качестве примера приводятся такие навыки, как свободное владение языком, умение плавать, рисовать, управлять разными видами транспортных средств и т.д. Подобные умения (практические знания) усваиваются обучающимися в длительном процессе наблюдения и подражания под руководством наставника.

Но если введенный в оборот М. Полани термин «неявное знание» был скорее прозорливой констатацией, то Д. Чалмерзом и Э. Кларком были предприняты достаточно убедительные попытки обоснования и теоретического развития данного феномена (что было отмечено, в частности, Т.В. Черниговской) [Черниговская 2008].

Широко известен афоризм М. Полани: «Мы можем знать больше, чем способны рассказать» (“We can know more than we can tell”). Нельзя не увидеть, насколько он синонимичен приведенному в начале данного текста афоризму Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

И здесь нетрудно усмотреть прямую аналогию с многочисленными (и пока что весьма малопродуктивными) попытками дать полное и хоть сколько-нибудь теоретически убедительное определение такому феномену как «инстинктивная деятельность». А всякая способность к успешной творческой деятельности впрямую предполагает не только предрасположенность к ней (зачастую унаследованную), но и (как правило) необходимость длительного процесса обучения. В этой связи представляется уместным предложить к рассмотрению введение такого понятия как «феноменология полуинстинктивного поведения в его динамическом формировании» и его дальнейший анализ с позиций современных когнитивных наук.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Докинз 2011 – Докинз Р. Расширенный фенотип. М.: Астрель: CORPUS, 2011 (Dawkins, Richard, *The Extended Phenotype*, Russian Translation).

Лири и др. 2002 – Технологии изменения сознания в деструктивных культах / Пер. с англ. под ред. Митрофановой И. СПб.: Экслибрис, 2002 (Leary, Timothy F. et al., *Technologies for changing consciousness in destructive cults*, Russian Translation).

Полани 1985 – Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ. Гнедовского М.Б. М.: Прогресс, 1985 (Polanyi, Michael, *Personal Knowledge*, Russian Translation).

Уилсон 1998 – Уилсон Р.А. Квантовая психология: как работа вашего мозга программирует вас и ваш мир / Пер. с англ. Под ред. Невструева Я. Киев, 1998 (Wilson, Robert A., *Quantum Psychology: How Brain Software Programs You & Your World*, Russian Translation).

Юм 1996 – Юм Д. О норме вкуса / Пер. с англ. Ф. Вермеля // Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др., прим. И.С. Нарского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1996 (Hume, David, *Of the Standard of Taste*, Russian Translation).

Wittgenstein, Ludwig (1922) *Tractatus Logico-Philosophicus*, Routledge & Kegan Paul, London.

Ссылки – References in Russian

Невлютов 2015 web – Невлютов М.Р. Феноменологические концепции современной теории архитектуры // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2015. № 3. URL: <https://marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/nevlutov/nevlutov.pdf>

Парибок 2018 – Парибок А.В. О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 176–189.

Радзюкевич web – Радзюкевич А.В. Пропорционально-метрологические и масштабные особенности чертежей Андреа Палладио. Доклад в Российской академии художеств на международной научной конференции XVIII Алпатовские чтения, посвященной 500-летию со дня рождения Андреа Палладио. URL: <http://www.rusarch.ru/radzukevich2.htm>

Раппапорт 2012 web – Раппапорт А.Г. Нерешенная проблема архитектуры. URL: https://papardes.blogspot.com/2012/11/blog-post_6241.html

Раппапорт 2000 web – Раппапорт А.Г. К пониманию архитектурной формы: дисс. докт. арх. М.: НИИТАГ РААСН, 2000. URL: <http://papardes.blogspot.com/2009/08/1.html>

Черниговская 2008 – Черниговская Т.В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд биолога и лингвиста // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 289–306.

Шохин web – Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.

References

- Chernigovskaya, Tatyana V. (2008) "What Makes us Human: Why Necessarily Recursive Rules? Biologist and Linguist's View", Koshelev, Alexey D., Chernigovskaya, Tatyana V., eds., *Reasonable behavior and language*, Issue 1, *Communicative Systems of Animals and Human Language. The Problem of the Origin of Language*, Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow (in Russian).
- Clark, Andy, Chalmers, David J. (1998) "The Extended Mind", *Analysis*, Vol. 58, No. 1, pp. 7–19.
- Leatherbarrow, David (1993) *The Roots of Architectural Invention: Site, Enclosure, Materials*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Logan, Robert (2007) *The Extended Mind: The Emergence of Language, the Human Mind and Culture*, University of Toronto Press, Toronto.
- Nevlyutov, Marat R. (2015) "Phenomenological Concepts of Modern Architecture", *Architecture and Modern Information Technologies*, Vol. 3 (32/15–16), pp. 1–9, URL: <https://marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/nevlyutov/nevlyutov.pdf>
- Norberg-Schulz, Christian (1980) *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*, Rizzoli, New York.
- Pallasmaa, Juhani (2009) *The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture*, Wiley, Hoboken.
- Paribok, Andrey V. (2018) "On the Philosophical Legitimateness of Heidegger's Language Licenses", *Voprosy filosofii*, Vol. 11, pp. 176–189 (in Russian).
- Radzyukevich, Andrey V. (2008) *Proportional Metrological and Scale Features of Drawings by Andrea Palladio*, Report at the International Scientific Conference XVIII Alpatov Readings, URL: <http://www.rusarch.ru/radzukevich2.htm> (in Russian).
- Rappaport, Alexandr G. (2000) *Understanding the Architectural Form*, Doctor of Architecture Dissertation, URL: <http://papardes.blogspot.com/2009/08/1.html> (in Russian).
- Rappaport, Alexandr G. (2012) *Unsolved Architecture Problem*, URL: https://papardes.blogspot.com/2012/11/blog-post_6241.html (22.06.2020) (in Russian).
- Shokhin, Vladimir K. (2015) "Analytical Philosophy: Some Unbeaten Paths", *Filosofskiy Zhurnal*, Vol. 8, No. 2, pp. 16–27 (in Russian).
- Sirowy, Beata (2010) *Phenomenological Concepts in Architecture: Towards a User-oriented Practice*, PhD Thesis, Norwegian University of Life Sciences, Oslo.

Сведения об авторе

ФИГУРНЫЙ Георгий Николаевич – аспирант кафедры «Основы архитектурного проектирования», младший научный сотрудник сектора научно-исследовательских работ научно-исследовательской части Московского архитектурного института.

Author's Information

FIGURNY George N. – Postgraduate Student at the Chair "Foundation of Architectural Design", Junior Researcher at the research sector of the research part, Moscow Architectural Institute, Moscow, Russia.